

ДМИТРИЙ МАСЛОВ

ГРАФСКИЙ СТОЛ

В подвале первой роты было темно и прохладно. В то время, как по этажу бегали солдаты, то и дело кричал дневальный на тумбочке, хлопала входная дверь, в подвале царила могильная тишина. Огурцов открыл дверь своей каптерки и вышел в сумрак подвального коридора. Лишь открытая дверь в каптерку Игоря Ломега впускала яркую полосу света в темноту.

Огурцов решил навестить друга.

Димка распахнул дверь в каптерку и зашел внутрь. В глубине большого помещения с низким сводчатым потолком за массивным немецким столом сидел Ломега. Он сидел, положив руки на зеленое сукно стола, и о чем-то думал. Позади него сквозь маленькое окошко под самым потолком пробивался один единственный солнечный лучик, который проделав длинный путь через помещение, преломлялся об створку полуоткрытой двери и врывался в сумрачный коридор подвала.

В каптерке было пусто и не уютно, не смотря на стол. Узкий стеллаж вдоль одной из стен, заполненный до отказа тюками с тряпками, старыми сапогами, бочками с мастикой и еще бог знает чем, добавлял каптерке запахов и колорита.

«О чем думу думаешь, Игорь?» – спросил Огурцов и сел на табурет перед столом.

«Вот есть у меня в каптерке теперь этот стол! Казалось бы, живи и радуйся! А радости – нет!» – Воскликнул Лом, встав из-за стола.

«Нет»? – Удивился Димка.

«Нет»! – Ответил Игорь, сел и тут же спросил: «А почему, а Дим»?

«Всё просто, Игорь! До дембеля малость осталось! Дел никаких! Скучно! Вот и радости нет». – Димка и сам немного загрустил.

Оба сидели молча.

Вдруг Димка Огурцов вскочил с табурета: «Слушай, а стол-то у тебя впрямь графский! Видал, какие лапы вместо ножек! А сукно»!

«Так я выбирал», - тоном знающего дело купца промычал Лом и протёр ладонью зеленую гладь столешницы.

«А ты в ящиках посмотрел? Может, осталось, что от графа»? – Спросил Огурцов и стал искать ящики в столе.

«Да смотрел я уже, ничего там нет».- Ответил Игорь и добавил, встав из-за стола: «Хочешь сам посмотри»!

У стола имелось два ящика, слева и справа. Ящики открывались дверками, как у шкафа. Внутри каждого по две полки на всю глубину стола. Димка залез в каждый чуть ли не с головой, шарил руками, пытаясь, хоть что-нибудь найти. Но, ничего! Пусто!

Огурцов, огорченный отсутствием графских записок, откинулся назад. Прислонился к стене. Вздохнул и вдруг закричал, как ошпаренный: «Смотри, Игорь! Еще один ящик»!

И вправду между двумя ящиками был третий – длинный узкий, как пенал.

Игорь бросился к Огурцову. Стали вместе дергать за деревянную дощечку, пытаясь вытянуть её на себя. Дощечка не поддавалась.

«Наверное, где-то её, что-то держит», - прошипел Димка.

«Точно, держит», - подтвердил Игорь и полез под стол в надежде найти то, что может держать выдвижной ящик.

«Есть, контакт»! – Воскликнул Ломего, что-то там под столом щелкнул, и ящик сам поехал навстречу бойцам.

В открывшемся пространстве пенала было пусто, если не считать фотографию. Обычная фотография – человек на фоне гор и всё! На обороте мелким почерком надпись по-немецки, судя по всему.

«А вот тебе и граф»!

Ребята опять заскучали. Столько трудов, надежд, оказавшихся пустыми.

«А ты хотел золото найти»? – Спросил Димка у Игоря, который пытался задвинуть на место пенал, нащупывая пальцами задвижку под столом.

«Было бы не плохо». – Ответил Игорь, гулко вдвинув пенал в стол.

После отбоя, в каптерке у Ломего, как обычно, собрались «деды». Играли в карты. На зеленом сукне «графского стола» карты смотрелись особенно привлекательно. Дымили сигаретами, пили ликёр.

«Мы с Огурцом нашли!» - Достал Игорь из стола старую немецкую фотографию: «Граф»!

Фотография пошла по рукам. Её рассматривали, крутили в руках, пытались разобрать текст на обороте.

«По-немецки!» – воскликнул Малашин.

«Натюрлих!» – поддержал Рыжков.

Подняли с постели Мишу Потехина, бойца младшего периода, который в школе немецкий учил: «Давай, Мишка, переводи! Чего тут написано»?

Мишка, тёр глаза спросонья, чесал стриженный затылок, зевнув, сказал: «Да ничего особенного. Пишет, что надеется вернуться домой, про какие-то тайные места или ходы. Всё вроде»!

«Ну, ты Потехин – полиглот! Точно перевел-то?» – спросил Ломего засыпающего стоя бойца: «Не спи, солдат! Отвечай»!

«Не, не, не сплю. Вроде так перевел».

Потехин присел на табуретку у стола и моментально, опустив голову на сукно стола, заснул. Ребята сдали карты и продолжили игру. Фотокарточка с графом оставалась на центре стола.

Вдруг Тарасенко бросив карту, воскликнул: «А что если этот граф не просто граф»?

«Конечно, не просто! Этот граф – фриц!» – парировал Огурцов

«Фриц-то фриц! А вдруг он вернулся?» – тихим, заговорщицким тоном произнес Олег Тарасенко - натура творческая, как-никак полковой фотограф.

Не обращая внимания на спящего на углу стола Потехина, Тарасенко продолжал задавать вопросы: «А что если стол вернулся на свое законное место? А что если этот граф здесь жил»?

«Какое место? Какой граф? Где жил? В казарме что ли?» – вскочил из-за стола Игорь Малашин.

«А ты знаешь, что этим казармам сто лет!» – сказал Тарасенко.

«Точно»! – проснулся Потехин.

«Я тоже об этом слышал»! – воскликнул Огурцов.

«И подземные ходы тут тоже есть» - окончательно проснулся Потехин.

Остаток ночи прошел за обсуждением предложенной Тарасенко версии о том, что стол, а с ним и старый граф в виде фотографии вернулись на свое место и теперь надо найти и обследовать подземный ход. А вдруг там клад лежит или еще что-нибудь такое! Все, что говорилось в каптерке Игоря Ломега, решили держать втайне от всех, а Потехина, так как «он слишком много знает» взяли в команду.

Мерзебург 2009 год

Туман серым влажным ковром накрыл город и его предместья. В городе ранним утром пустынно и тихо, лишь одинокий прохожий изредка появится из переулка и тут же скроется в другом.

Где-то на пруду крякнула утка, откуда-то послышался собачий лай. Огурцов проснулся. Встал с кровати. Пошел принять душ, умыться. Подошел к окну. Одернул занавеску. Посмотрел на улицу за окном. Туман. Сквозь пелену ели различимые черты казарм, с темной черепицей крыш.

- Прошло столько лет! И вот я опять здесь! Смотрю на те самые крыши! И туман, словно тот же самый! – Подумал Димка.

Огурцов жил в пансионе прямо напротив бывшей воинской части, где служил когда-то. Он уже не в первый раз приезжает в Мерзебург, город, который стал для него чем-то вроде «таинственного острова». Однажды попав сюда, случайно, не по своей воле, он стал его пленником навсегда.

Позавтракав чашкой черного кофе, йогуртом и омлетом, Огурцов вышел в город. Запах сырого немецкого утра ударил в нос. Город проснулся! Затрещали скутеры, загалдели птицы, забегали люди.

Огурцов, Молдавский и Костин шли к свинарнику или вернее сказать к тому, что от него осталось. Миновали территорию бывшей воинской части, прошли мимо старых казарм. Димка, шагая по булыжникам дороги, силился представить себя тогда, когда шагал по этим же булыжникам в кирзовых сапогах, и не мог представить. Каштаны вдоль брошенного плаца также раскачивали на ветру своими ветвями, подставляя солнцу широкие листья.

- Вот и пришли, - заметил Илья Молдавский.

- Свинарник! – Воскликнул Андрей Костин.
 - А где завод Мессершмитта? – спросил Димка, оглядывая окрестности.
- Достали бутылку «Московской».

Выпили.

Мерзбург 1989 год

На следующий день, одуревшие от безделья старослужащие вместе с «фазаном» Потехиным собрались перед отбоем в подвале, в каптерке Игоря Ломега за обсуждением своего плана. Кроме Рыжкова. Мишка заступил в караул старшим смены.

В конце подвального коридора была дверь. За дверью, по словам старшины роты старшего прапорщика Жучкова, была еще одна каптерка. Там хранился всякий не нужный и не востребованный хлам, по словам опять же старшины. Дверь была всегда заперта.

- На самом деле там продолжение коридора, - заметил Ломега и добавил: мне еще Костя Кистенюк говорил.

- Кто такой Костя Кистенюк, - спросил Мишка Потехин.

- Наш «старый»! Он до меня здесь был! – ответил Ломега.

- Где был?

- В каптерке!

После отбоя, когда личный состав в казарме дружно захрапел, а ответственный по роте старший лейтенант Романча закрылся в канцелярии, ребята подошли к запертой двери в подвале.

- Как будем открывать? Ломать нельзя, всех разбудим! – Заметил Малашин.

- Открывать будем ключом! – Воскликнул Ломега.

Игорь скрылся в своей каптерке и через минуту вернулся с картонной коробкой, полной разнообразными ключами.

- В наследство от Кистенюка получил, - пояснил Игорь, подбирая нужный ключ.

- Это мы так до утра подбирать будем, - Огурцов в раздражении махнул рукой.

Тарасенко светил фонариком.

Потехин стоял на фишке.

Ломего с Малашиным возились с ключами.

Огурцов заварил чай в каптерке замполита.

Через полчаса очередной ключ со скрежетом закивших механизмов открыл замок. Дверь со скрипом раскрылась. Ребята столпились на входе, пытаясь в слабом свете фонарика разглядеть внутренность коридора.

Коридор и впрямь был завален хламом. Старые стулья из ленкомнаты. Оружейные ящики. Бочки из-под краски. Какие-то доски и много чего ещё. За всем этим старьём ели угадывалось продолжение коридора. Выключатель за дверью не нашли. Протиснулись внутрь. Закрыли за собой дверь. Забыли Потехина.

- Мишка! Давай сюда! Живо!

Полезли по старым стульям через них вперед.

- Кажись, казарма кончилась!

- Куда дальше-то? – спросил идущий впереди с фонариком Олег Тарасенко, дойдя до развилки коридора.

- Налево или направо?

- Хрен его знает!

- Пошли налево!

- Направо!

- А чай стынет. – Так, между прочим, напомнил Огурцов и добавил: лучше идти налево, потому что это ближе к выходу с территории части.

- Точно!

Коридор подземелья был узким с низким потолком. На стенах и потолке отчетливо проглядывали отпечатки досок опалубки. Светло серый в свете фонаря бетон поблескивал гранитной щебенкой. Пол был выстлан чугунными плитками. Вдоль всего коридора на керамических изоляторах

болтались провисшие провода освещения. Каждые несколько метров встречались светильники в ржавых сетчатых колпаках.

- Кто-нибудь следит за расстоянием? Сколько уже прошли метров? Что вообще наверху? – Спросил Игорь Малашин.

- Судя по всему скоро Приемный центр. – Ответил, идущий впереди Тарасенко.

- А учебка? Что прошли уже? – не отставал Малашин.

- Нет, наверное, - Тарасенко остановился в замешательстве.

- Я просто так напоминаю, что, во-первых - чай уже точно остыл, а во-вторых – Миха Рыжков просил без него не лазить в подвал! Да и подготовиться надо как следует. Олег, у тебя сейчас фонарик крякнется, чего будем делать! - высказался Огурцов, стоя в середине, замершей в подземелье шеренги бойцов.

- Уже и подъем скоро! Давайте отложим! – поддержал Димку Малашин.

- Потехин! Разворачивайся и дуй в роту! Смотри, чтобы там никто не шарился! – скомандовал Ломего и Мишка Потехин тут же, повергнувшись на 180 градусов, пошел в обратном направлении.

Остаток ночи просидели в Димкиной каптерке за чаем.

Мерзбург 2009 год

Ребята ходили по железобетонным плитам места, где раньше был полковой свинарник. Пытались найти хоть что-то напоминавшее о прошлом. Но вокруг ничего. Ни строений старого немецкого завода. Ни домика свинарей. Только брошенный яблоневый сад и бетонные плиты на месте завода с проросшими в трещинах кустами.

- А ведь здесь должен быть вход в подземелье! – Воскликнул Огурцов.

- Я вообще ничего здесь не узнаю! – Сказал Костин.

- А я помню этот сад! Как мы яблоки ели! И подземелье тоже помню! – Молдавский сорвал яблоко и тщательно потер его о джинсы, прежде чем откусить.

Огурцов тоже сорвал яблоко:

- Я помню, как нас сюда привели в первый раз. На уборку моркови. Мы шли через то поле, кажется. Пришли куда-то сюда. Все такие забитые. Нами командовал старослужащий молдаванин, страшный такой, чернявый и длинный, как жердь. Чуть, что не по его, сразу в челюсть. Помню, как Барыкин, помните такого (ребята закивали головами) начал с ним пререкаться и огрѐб по полной программе. Я помню себя тогда – боялся дышать, не то, чтобы говорить. Интересно, я вот и тогда об этом думал и сейчас думаю, а чем мы вообще отличались от пленных или заключенных? Да, ничем! Помню, загнали в подземелье, куда мы натаскали в мешках только что привезенную морковь, и мы должны были эту морковь укладывать в штабеля. Работали где-то вот здесь под этими плитами, а молдаванин ходил между нами и то пинал, то орал! Такое не забудешь. Я всегда думал, за что мне это всё, за какие такие грехи? Вроде бы молодой тогда еще совсем был, не успел особенно нагрешить! Думал, лучше бы в Афган попал!

- Да, Дим! Я тоже о чём-то таком думал тогда! – Воскликнул Илья и обнял Димку рукой за шею.

- Мы жизни не видели, молодые совсем! Духи, одним словом! – Поддержал ребят Андрей.

Димка не мог остановить поток нахлынувших воспоминаний:

- Я часто думал тогда о справедливости. За что? Зачем? Почему мне досталось, а не другому? Злость копилась ко всем вокруг и к обидчикам и к тем, кто избежал побоев и унижений! Теперь, то я понимаю, что досталось всем, каждому. Вот ты Андрей, не работал у грузина на рубке мяса, но ездил на работу к немцам – очищать от стеклянных наростов печь для плавления кварцевого песка. Надышался там стеклянной пыли. И ты Илья тоже натерпелся всего, да еще и за национальность тебя унижали. И тогда себя спрашивал и потом и сейчас – почему всё именно так должно было быть? Я сказал однажды ротному Хайрулину: почему так получилось, что армия стала для нас тюрьмой? Кажется, он мне не смог тогда ответить! А с Кадашем взводным сколько я говорил, уже когда сержантом был, про чай, про книги, про свободу в свободное время. Почему нельзя было поставить в ленинской комнате электрический чайник, разрешить пить чай, не таясь по каптеркам, смотреть телевизор не ночью тайком под страхом наказания, а в свободные часы в любое время? Почему нельзя сидеть в ленкомнате и читать хорошие книги, а не только газеты из подшивки?

- Дим, а сейчас после армии в нашей гражданской жизни, разве много свободы? Да, мы по-прежнему никто по большому счету! – Заметил Костин и швырнул огрызок в сторону полкового плаца.

- Так устроена жизнь! – Подытожил Огурцов и ребята зашагали обратно к части.

- Но водку никто не отменял! – Добавил Илюха, разливая остатки:

- Давайте на дорожку!

Мерзбург 1989 год

Следующим утром Димка заснул в каптерке, и чуть было не опоздал на развод. В том, что Огурцов заснул, не было ничего удивительного.

Удивительно было то, что сквозь сон Димка слышал странный шум из коридора подвала. Как будто кто-то что-то шептал. Что именно шептал неизвестный, Димка не понял. Только проснулся в холодном поту от ужаса.

На плацу во время развода Димка поделился «сном» с Костиным. Андрюха напомнил старую полковую байку про немецкого солдата, который остался бродить по подвалам казарм аж с самого 1945 года. Кто-то из прошлого призыва этого солдата даже вроде бы как видел. Но это не точно! Точно, никто ничего не знает!

- А вдруг это и есть граф с фотографии? – Взволнованно спросил Огурцов, прищурив оба глаза.

- Вот сегодня и выясним! – Успел сказать Андрей Костин перед тем, как прозвучала команда «К торжественному маршу»!

Точно не скажу, в какой это было вечер, в тот же или в другой, но так или иначе, ребята опять отправились в разведку в старый подземный ход под частью.

На этот раз снарядились лучше. Взяли каждый по хорошему полевому фонарику. Захватили тетрадку и карандаш, чтобы зарисовать подземный ход и составить подробный план подземелья.

Ползли тем же составом, что и в первый раз. Малашин, Тарасенко, Ломего, Рыжков, Огурцов. Присоединился Андрей Костин, которому всё про подвал рассказал Димка, просто не удержался. Замыкающим шел Мишка Потехин.

Быстро преодолели уже пройденный ранее путь и остановились на том же месте, где у Тарасенко стали в прошлый раз садиться батарейки в фонарике.

- Ну что, идём дальше? – спросил Огурцов у приятелей, пытаясь осветить светом фонаря, уходящий в темноту тоннель подземелья.

- Натюрлих, Димка! – ответил за всех Игорь Малашин и уверенно двинулся вперед.

Через несколько метров коридор начал ощутимо опускаться все ниже и ниже. Наконец, уклон коридора стал таким крутым, что ноги ребят скользили по отполированным чугунным плитам пола.

- Кажись, метров на пять опустились! – Воскликнул Ломего, когда прошли не менее пятидесяти метров под землей. В этот самый момент в стороне от коридора, слева, послышался или показался какой-то слабый шум, отдаленно похожий на шепот или шуршание.

- Тихо, мужики!

- Слышали?

- Чего?

- Того! Кто-то здесь есть!

Ребята сгрудились в узком коридоре, тыкали фонарями во все стороны, но свет фонариков лишь утыкался в бетонные стены или проваливался в темноте продолжавшегося коридора.

Стояли минут двадцать. Боялись идти дальше. Вслушивались. Вглядывались. Силились что-то расслышать, кого-то разглядеть.

Вдруг Потехин решил прислониться к стене, что слева и провалился, упав спиной в черный провал.

- Там ход!

И вправду слева оказалось ответвление в коридоре под острым углом, поэтому ребята его проглядели. Двинулись в направлении этого поворота и все отчетливее стали слышать странные звуки, напоминавшие шепот.

Прошли еще метров пятьдесят и увидели дрожащий в конце коридора слабый свет.

- Что там?

Мерзебург 2009 год

Немецкая осень похожа на русскую.

Разноцветный занавес листвы, рвущийся на ветру лохмотьями, разлетающимися по сторонам.

Сквозь прорехи низкое, свинцовое небо, грозящее разразиться если не ливнем, то мелким противным дождиком.

Иногда, вдруг, странным образом пробивается спасительный пока еще теплый луч солнечного света.

Пробежит по полям, лесам, дорогам, накроет своим теплом, распластается на время и так же стремительно скроется, подгоняемый холодным сырым ветерком.

Огурцов, Молдавский и Костин шли от бывшей воинской части к городу. Миновали парк у озера. Вышли к центру. Мокрая брусчатка старинных улиц не позволяла ускорить шаг.

Как странно складывается жизнь, думал Димка, всматриваясь в очертания старого замка, черные крыши домов, пустынные улицы Мерзебурга.

«Кто мы? Откуда пришли и куда мы идем?»

Вспомнил Огурцов знаменитый и вечный вопрос.

Размышления уводили Димку в дебри воспоминаний, заданных еще давно вопросов, не получивших ответов и поныне.

«Кто я такой?»

Для чего вообще живу?

Зачем оказался в этом немецком городе двадцать лет назад? По большому счету ничего полезного я здесь в Мерзебурге не сделал.

Какой уж там из меня разведчик? Да никакой!

Сначала год боролся с условиями новой для меня солдатской жизни. Вживался в коллектив. Приспосабливался. Выживал, наращивая толстокожесть к боли и равнодушие к чувствам. Учился избегать власти

негодяев и сволочей, прячась под партой класса в учебной роте, скрываясь на смене или в карауле.

А потом год относительно спокойной жизни «учёного» бойца, скрывающего за засаленной гимнастёркой свои истинные переживания.

И мечты о свободе, оставшиеся мечтами до сих пор».

Так или почти так думал Огурцов по пути из месторасположения казарм к старому замку Мерзебурга.

- Я где-то читал, что на самом деле времени не существует! Всё происходит в один момент, который для нас людей растягивается в прошлое, настоящее и будущее. А во вселенском масштабе всё уже свершилось! – Сказал задумчиво Димка.

- Это ты к чему? – Спросил Костин.

- Всё predetermined! И от нас совсем не зависит! – Заметил Молдавский.

- К тому, что, вот Илюха сказал! – Воскликнул Димка.

- А! Ясно! – Андрюха не был настроен на философский лад.

Ужинать засели в уютное заведение рядом с замком – картофельхаус.

Ели картошку с йогуртом и селедкой. Пили водку. Вспоминали армию.

- А помнишь, Дим, как нашли старого графа? – Спросил Костин, разливая водку по рюмкам.

- Конечно! Я даже помню, кем этот граф оказался!

Мерзебург 1989 год

- Что там? – Спросил кто-то из ребят.

Впереди мерцал свет, двигались тени, слышался говор.

Малашин, Тарасенко, Костин, Ломего, Рыжков, Огурцов и Потехин замыкающим медленно продвигались вперед к свету. Коридор закончился большой светлой комнатой, заваленной железками, какими-то деталями, мебелью и еще бог знает чем.

Когда ребята вышли из коридора, в противоположной стене комнаты скрипнув, захлопнулась металлическая дверь. Только Олег Тарасенко, шедший впереди колонны успел увидеть скрывшуюся за дверью фигуру.

- Небольшой такой! В пилотке, вроде!

- Граф!? – Хором воскликнули остальные.

- Не похоже на графа.

Изучать комнату было некогда. Кинулись вдогонку за «графом».

За дверью была лестница в три пролета.

На каждой площадке была дверь. На второй площадке «пилотка» также быстро скрылась за дверью.

- Олег, Рык - со мной за «графом»! Лом, Огурец, Потеха - поднимайтесь дальше! – Скомандовал Малашин и, оглядев ребят, спросил: А где Андрюха Костин?

- Здесь я, - откликнулся Костин, поднимаясь по нижнему пролету.

- Можете не торопиться! Я знаю, кто «граф»! – Воскликнул Андрюха: Там вся комната радиодетальями завалена и мебелью с немецкой свалки. Там однозначно радиомастера тусуются!

- Кисель! – Почти закричал Тарасенко.

- Точно! – Поддержал Костин.

Костя Кисель – загадочная личность. Он числился в роте радиомастеров, занимался ремонтом по электрической части. Увидеть его на построении или разводе большая редкость. Он всегда где-то лазил по части и появлялся неожиданно и так же неожиданно пропадал.

Да и вообще эти радиомастера были все странные, жили по своим правилам хоть и в общей казарме. Под самой крышей в мансарде у них был свой кубрик, куда редко заходили офицеры, высоко подниматься.

В наряды радиомастера не ходили, ни на смену, ни в караулы.

У них и на приемном центре, тоже в мансарде был свой уголок, где они держали радиодетали, ремонтировали радиотехнику. Но все это как-то тихо, незаметно, даже скрытно.

В невысокой фигуре в пилотке ребята после догадки Тарасенко, живо представили Костю Киселя и сразу потеряли интерес к дальнейшим поискам графа и графского золота. Если и было золото, то давно уже его нашли загадочные радиомастера. Как пить дать!

А лестница из подземелья вела в ПЦ, напрямик в подвал, где шумели приемники майора Чернышева, «шептались» аппараты секретчиков, басил частенько старший лейтенант Дидык своим неповторимым басом, то есть кипела жизнь командного пункта разведывательного полка.

Ничего необычного!

Ничего интересного!

Никакого графа и никакого немца с автоматом.

Если не считать, конечно, что теперь под конец службы, бойцы старослужащие из первой роты узнали о существовании разветвленной сети подземных ходов, которые вели под каждую казарму и выходили за территорию части в районе полкового свинарника.

Малашин, Тарасенко, Костин, Ломего, Рыжков, Огурцов и Потехин замыкающим, выглянули сначала вместе, потом по очереди из двери в подвал, закрыли дверь и пошли обратно, разочарованные тем, что не встретили графа.

- Да и хрен с ним с графом!

* * *

После отбоя, в каптерке у Ломего, как обычно, собрались «деды». Играли в карты. На зеленом сукне «графского стола» карты смотрелись особенно привлекательно. Дымили сигаретами, пили ликёр. На углу стола на табуретке примостился Мишка Потехин.

- Потеха, ты чего пристарел, что ли? – Толкнул в плечо Потехина Рыжков: иди шуршать крыльями фазан!

- Да я, на всякий случай, - начал оправдываться Мишка: вдруг чего надо будет перевести с немецкого.